

Искренняя благодарность всем моим *коллегам*, принимавшим активное участие в обсуждениях и доработке текста книги на сайтах «*Самиздат*» и «*В Вихре Времен*».

Отдельное спасибо *Виталию Сергееву* за помощь.

Спасибо вам, друзья. Мы вместе сделали книгу лучше.

*Посвящается моей семье.
Спасибо вам за все и за то, что вы у меня есть.*

Часть первая
НАЧИНАЯ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Глава I

ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ ПЕТРОГРАДА

ПЕТРОГРАД.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ.

7 (20) марта 1917 года. Вечер

— Глазам своим не верю!

— И правильно делаете.

Человек, жестко зафиксированный на грубом деревянном стуле, мог лишь вращать головой, что с успехом и делал, глядя на то, как я усаживаюсь в кресло. Хотя нас и разделял стол, а мой «собеседник» был явно не в гостях, не было тут никаких дешевых приколов, типа света в глаза, стоящего за спиной допрашиваемого мордоворота в кожаном фартуке, многообещающе хрустевшего костяшками разминаемых перед «работой» пальцев, в общем, никакого антуража не было. В комнате вообще больше никого не было, только я и человек напротив.

Более того, я позаботился о том, чтобы нас тут никто не мог подслушать и за нами никто не мог подсмотреть. В общем, мы были одни.

Не спеша достал трубку, коробочку с табаком, набил чашу размеренными движениями и закурил, наслаждаясь ароматным дымом. Было видно, что сидящий напротив меня арестант жадно потянул воздух ноздрями и даже судорожно сглотнул.

Я просто сидел и с наслаждением курил. И молчал. Молчал, спокойно рассматривая сидящего передо мной. Рассматривал с тем спокойным интересом, с которым

энтомолог рассматривает новый экспонат его коллекции. Причем рассматривает не как какое-то жуткое и редкое насекомое, а как интересную, хотя и достаточно заурядную бабочку. Эдак с легким любопытством, но без особых эмоций.

Что ж, определенное любопытство у меня действительно имелось, все же Сидней Рейли, он же Соломон Розенблюм, международный проходимец и лейтенант британской разведки, был фигурой колоритной. Во всяком случае, и в своем 2015 году я о его похождениях был наслышан, а теперь вот имею возможность, так сказать, познакомиться очно. Тем более что, в отличие от времен моей прошлой жизни в будущем, сейчас он для меня не персонаж исторических хроник, а человек, который за вчерашний день успел возглавить мятеж против моей персоны, а затем еще и устроил взрыв в Зимнем дворце, при котором я чудом уцелел. Так что интерес у меня к нему был не только академический.

Выкурив половину трубки, я вдруг поинтересовался у арестанта:

— Курить хотите?

Тот как-то замер на мгновение, затем, сглотнув, напряженно кивнул. Я достал из ящика стола пачку папирос, вытащил одну и, подойдя к сидящему вплотную, всунул папиросу ему в рот. Дождавшись, пока человек судорожными затыжками раскурит папиросу от поднесенной мной спички, я помахал спичкой в воздухе и все так же спокойно сел на свое прежнее место.

— Можете гордиться, вам дал прикурить сам император Всероссийский, — усмехнулся я. — Впрочем, господин Розенблюм, вы вряд ли об этом кому-то расскажете.

Я сделал несколько резких затыжек, возвращая силу огню в чаше, а затем откинулся на спинку кресла, глядя на Розенблюма сквозь клубы дыма. Тот попыхивал папиросой, пепел падал ему на рубашку. Он с этим ничего поделать не мог, а меня это не волновало.

— Итак, господин Розенблюм, что скажете?

Папироса у него во рту догорела, и, не имея возможности ее вытащить, он, изловчившись, выплюнул ее на пол. Правда, тут же сказал извиняющимся голосом:

— Простите мою неучтивость, ваше императорское величество, но поступить в соответствии с правилами приличий у меня не было возможности.

— Пустое, господин Розенблюм, пустое. Если мне потребуется содрать с вас живого кожу, я не буду искать поводов для этого. Так что оставим это. Итак, повторю вопрос: что скажете?

Тот несколько мгновений смотрел мне в лицо, а затем медленно произнес:

— Я думаю, да простит меня ваше императорское величество, что вы хотите меня купить.

С интересом смотрю на него.

— Аргументируйте.

Розенблюм пожимает плечами, насколько позволяют прижимавшие его к стулу ремни, и спокойно так (как будто он действительно в конторе, а я покупатель) отвечает:

— Простите, ваше императорское величество, но я не нахожу другого объяснения вашему нахождению здесь, да еще и без следователей и прочих помощников. Из этого я позволил себе сделать дерзкий вывод о том, что вам от меня что-то нужно и что я должен это сделать добровольно. И это «что-то» настолько большое, что для этого я должен буду получить такие гарантии, которых никто кроме вас дать не может. Но, ваше императорское величество, хочу сразу сказать, я поданный его величества Георга Пятого, и я не могу выступить против его интересов.

Я довольно продолжительное время его разглядывал, а затем все же усмехнулся.

— Если в вашем лице сейчас лейтенант Сидней Рейли, то спешу вас успокоить, мистер Сидней Рейли будет повешен во дворе Петропавловской крепости вместе с командором Кроми. Не исключаю, что компанию вам составит и мистер Локхарт...

— Но он же дипломат! — вырвалось у арестанта.

— Вот незадача, правда? Но вы-то не генеральный консул Великобритании в Москве и не обладаете дипломатическим статусом? И уж вами-то мой царственный собрат Георг Пятый пожертвует не задумываясь, и вы это прекрасно понимаете. Так что, если вы — мистер Сидней Рейли, подданный Георга Пятого, то на этом наш бессмысленный разговор заканчивается, а ваша недостаточно изворотливая шея начинает готовиться к петле. Естественно, перед этим вы нам все расскажете, что знаете и о чем только догадываетесь.

— А если не расскажу? — с неким вызовом бросил мой собеседник.

— Это Петропавловская крепость, а я не мой брат Николай, я не имею глупых предрассудков, а мои следователи очень изобретательны, так что можете поверить мне на слово: вы будете рассказывать все, изо всех сил, спеша и торопясь, боясь опоздать и что-либо из интересующего меня вдруг позабыть. Тем более после вчерашних-то событий. Но я не об этом сейчас. Итак, если вы Сидней Рейли, то наш разговор на этом окончен и вами займутся профессионалы, а если вы все же Соломон Розенблюм, уроженец солнечной Одессы и мой подданный, то мы с вами еще поговорим. Итак?

— Что вы конкретно от меня хотите? — выдавил вдруг севшим голосом мой визави.

— Вы чей подданный?

— Но...

— Всего вам хорошего, мистер Рейли. Удачного и полного впечатлений дня.

Я встаю и направляюсь к дверям.

— Согласен, я согласен!

Что ж, клиент дозрел. Можно и поговорить. Стою за спиной «потерпевшего» и жестко задаю лишь один короткий вопрос:

— Ваша фамилия?

Сидящий судорожно втягивает воздух в легкие и хрипит:

— Розенблум...

— Тогда слушайте сюда, как говорят у вас в Одессе. Слушайте сюда и слушайте ушами. — Я вновь усаживаюсь в кресло. — Я потратил на вас слишком много времени и вступительной речи не будет. Итак, вы делаете то, что я от вас хочу. Первое, вы рассказываете все, что знаете о шпионской сети в России, а также о ваших агентах влияния и просто дураках, которые вам оказывали услуги. Второе, вы подпишете все, что вам скажут, хорошенько выучите свою роль и выступите на открытом процессе в качестве Сиднея Рейли, где поведаете все, что будет нужно для суда. После чего Кроми и Локхарт будут повешены, а сотрудничавшему со следствием Рейли смертная казнь будет заменена на каторгу, где он благополучно и погибнет, заваленный породой где-нибудь в шахте. Третье, вы, господин Розенблум, меняете имя и фамилию и поселяетесь в одном из охраняемых поселков, где будете служить в качестве живого консультанта. Качество вашей жизни там, равно как и ваша жизнь в целом, будут целиком зависеть от вашего желания быть полезным консультантом и, что самое главное, быть живым и достаточно здоровым консультантом. Это будет не тюрьма, и в пределах охраняемого периметра вы не будете иметь ограничений. Возможно, когда-нибудь, если будете нам очень полезны, мы сможем заключить новую сделку, и вы сможете еще больше расширить уровень своей свободы и значительно увеличить уровень комфорта своей жизни.

Сделав паузу, я добавил:

— Вы авантюрист, Розенблум, авантюрист, чуждый громких слов и пустых принципов. В этой игре вы проиграли. Но у вас появился шанс купить себе жизнь, выполнив все три моих желания. И у вас, возможно, появится шанс сыграть в новую игру по-крупному, как вы это

любите. Быть может, это будет самая крупная игра вашей жизни. Итак, ваш ответ?

Соломон Розенблюм потер ухо о плечо и усмехнулся:
— Ну, я согласен, чего там...

ПЕТРОГРАД. 7 (20) марта 1917 года

Обычный автомобиль из гаража Военного министерства. Лишь шторы на окнах не дают рассмотреть зевакам, кто находится внутри. Лишь пара казаков сопровождения. Мало ли зачем в военное время военный автомобиль выезжает из Петропавловской крепости? Мало ли зачем он едет в Главный Штаб? Кто подумает, что в скромном авто едет сам государь император Всероссийский Михаил Александрович?

Это все равно, как кортеж какого-нибудь чиновника на улицах Москвы моего времени — кому из москвичей приходило в голову на них оглядываться? Так, скользнут безразличным взглядом по очередным автомобилям с мигалками, спеша по своим делам, и не более того.

К сожалению, байки о подземном ходе между Зимним дворцом и Петропавловской крепостью так и оказались байками. Равно, как и не было никаких подземных ходов на ту сторону Невы, что, в общем, неудивительно. Туннели под Невой были непростой задачей и для метростроевцев XX века, что уж говорить о каких-то копателях прошлого. Но вот ход между Зимним и Главным Штабом действительно существовал, чем я и не преминул воспользоваться, не желая афишировать свое перемещение из дворца в Петропавловскую крепость.

Откровения Рейли произвели на меня тягостное впечатление. Разумеется, я в общих чертах понимал ситуацию с несостоявшейся Февральской революцией и вчерашним заговором в попытке формально посадить на престол «законного наследника» Алексея Николаевича, но масштаб измены в откровениях Рейли открылся во-

истину ошеломляющий. Великие князья, генералы, министры, придворные, депутаты Госдумы. И это не считая платных осведомителей в виде истопников, горничных, казаков Конвоя, шоферов и прочих борцов за денежные знаки иностранных посольств. Кто-то оказывал услуги за деньги, кто-то из идейных соображений, а кому-то очень хотелось оказать услугу «цивилизованным державам». И если немцы и австрийцы сейчас шпионили подпольно, то вот наши дорогие союзнички действовали практически в открытую, ведь быть полезными Лондону и Парижу среди русской аристократии считалось признаком хорошего тона.

А Рейли говорил, говорил, говорил. Называл имена, суммы, даты. Упоминал донесения и сообщения. Батюшин записывал, уточнял. А мне лишь хотелось немедленно отдать приказ об аресте и допросе с жестким пристрастием всей этой публики. Но я прекрасно понимал, что сделать этого сейчас не смогу, мои позиции еще слишком слабы. Да и доклады не вселяют оптимизм. Мягко говоря.

Сегодня днем во дворце было необычно оживленно — я давал аудиенции. И пусть это были сугубо рабочие доклады, которые не имели ничего общего с напыщенным придворным церемониалом, но все же Высочайшая аудиенция у государя — это Высочайшая аудиенция у государя императора. Тут ничего не напишешь. А потому к суете ремонтных работ во дворце добавилась и суета прибывающих с докладами военных, сановников, министров.

Они прибывали, ожидали своей очереди и, удостоившись права на Высочайший доклад, представляли пред мои ясны очи. Доклады были сухи, коротки и сугубо по делу. Никакой воды, никаких рассуждений о смысле бытия. После вчерашнего подавления последнего (или крайнего?) мятежа желающих растекаться мыслью по древу стало значительно меньше.

Итак, доклады следовали один за другим, и чем больше я слушал, тем гаже была картина. Окончательно меня

добили телеграфные переговоры с Лукомским, который до прибытия Гурко фактически исполнял должность Верховного Главнокомандующего Действующей армии.

Нет, не могу сказать, что доклады стали для меня откровением и прямо-таки открыли мне глаза. Много я знал, о многом предполагал, имел свои прикидки и умопостроения. Но системный взгляд на ситуацию показал, что я и моя Империя по-прежнему находимся на краю пропасти и что от катастрофы нас отделяет лишь паратройка шагов. И, возможно, лишь слишком поспешный мятеж спас меня от более крупных неприятностей. Но не отменил всех предпосылок катастрофы.

Во-первых, Петроград по-прежнему переполнен войсками, и лишь чудом пока на улицах столицы вновь не вспыхнули бои. Слишком велика была неприязнь, слишком взлетели в своих глазах фронтовики, слишком презирали они «тыловую сволочь», потому отношения между запасными полками и прибывшими с фронта то и дело оборачивались мордобоями, а количество инцидентов с участием ветеранов, по докладам полиции, только за сегодня уже превысило десяток. Кутепов драконовскими методами как-то удерживал ситуацию в городе под контролем, но было ясно, что добром это не кончится. Тем более что после вчерашнего дня авторитет власти пошатнулся еще больше, поскольку чехарда на троне не могла не породить хаоса в головах, а мысль о том, что я узурпировал власть, принудив Николая отречься за себя и за сына, находила довольно широкое сочувствие.

Кроме того, ситуация с формированием полков Внутренней стражи из запасных полков Лейб-гвардии идет крайне туго, поскольку циркулирует упорный слух, успешно подогреваемый какими-то агитаторами, что под видом записи во Внутреннюю стражу будут выводить из города небольшими группами, разоружать и затем отправлять под конвоем на фронт, причем на самые ужас-

ные участки фронта. И что лишь нахождение в столице гарантирует их неотправку на фронт.

Причем слух этот стал циркулировать еще вчера вечером, и кто-то явно вкладывал его в головы запасников. А это значило, что есть те, кто заинтересован в том, чтобы Петроград был переполнен войсками. Наполненный вооруженными людьми выше всякой меры город мог в любой момент стать ареной междоусобных боев, и такое положение превращало столицу в пороховую бочку, которая могла взорваться от малейшей искры.

Во-вторых, моя собственная, так сказать, нынешняя родня из императорской фамилии посылала мне откровенные и недвусмысленные сигналы, что мои действия ее не устраивают. Арест Кириллы Владимировича, явная перспектива репрессий, от которых, как выяснилось, ни у кого нет иммунитета, невзирая на происхождение, а также мои откровенные заигрывания с чернью обеспокоили знать.

А наметившийся разлад с союзниками не понравился очень многим. Министр внутренних дел генерал Глобачев докладывал о встречах некоторых великих князей и княгинь с представителями союзных держав, и подозреваю, что там выражали не только глубокую озабоченность, но и обсуждали конкретные шаги в духе борьбы с безумцем на троне.

Да и вообще ссора с Лондоном и Парижем напрягла многих в столице. Многие генералы, банкиры, промышленники и купцы были если не испуганы этим фактом, то как минимум очень обеспокоены.

В-третьих, бурлила Государственная Дума, возмущенная и испуганная арестом всех членов Временного Комитета Госдумы, то есть фактически всего руководства парламента. И в этом шуме угадывалось стремление и дальше мутить воду в Петрограде или как минимум обещание противодействия моей политике. Тем более что в числе депутатов парламента было довольно много